

Ольга Родионова

Родилась и выросла в Барнауле, жила в Омске, Тобольске, Ленинграде. В 90-е годы покинула страну, уехав в США, но связи с Россией не теряла. Публиковалась в журналах «Знамя», «Новый берег», «Арион». Автор четырёх книг стихотворений: «За крысоловом», «Мои птицы — на ветках», «Не летай», «Яблочный джем». В 2010 году стала лауреатом международной литературной премии «Русская премия». В конце октября 2020 года Ольга с семьей вернулась в Россию, живет в Барнауле.

В краю, где из глины и пепла идей
Лукавые боги слепили людей,
Скрепляя суставы слюной,
Где между копытами белых кобыл,
Как щепка, что ты состругал и забыл,
Качается мост подвесной,
Где бархат зелёный ложится весной
Лохмотьями неги на соли земной,
Где слеплен из глины очаг,
Ты там меня знаешь и любишь давно,
Там в небе висит подвесное окно,
В твоих отражаясь очах.
Когда ты выходишь курить на балкон,
Качается, спрятан меж здешних окон,
Невидимый мир подвесной.
И что б ты ни думал, не встреченный мной,
Мы слеплены оба из глины одной.
Из пепла и глины, родной.

Мой друг раскладывает семь нот,
Тасует этак и так,
Запишет, глянет, листок сомнёт,
Потом с отвращеньем глаза сомкнёт
И вычеркнет пятый такт.
Скрипичным ключом отмыкает слух,
Нервно свистит, скрипит,
Считает до трёх, а потом до двух,
А потом ложится и спит.

Наутро до прокляёт висок
И ре зарежет, как нож.
Он натянет один, а второй носок
Забудет под грудой нот.
Он запишет левой — вон ту, вон ту,
Подведёт черту — решено! —
Зубную щётку держа во рту
И тупо глядя в окно.

Теоретически все о`кей.
Листы устилают пол.
Ноты катятся по щеке:
ля — слёзы, соль — пот.
Он долго примеривается — не соврать, —
Флейту к губам поднося...
А флейта отказывается играть —

в ней музыка
кон-чи-ла-ся.

Цепляйся зубами, мой ангел, мон шер, мон ами,
За пёструю лесенку детских весенних считалок,
Смешных выкрутасов, подростков, считающих галок...
Грядущее лето на грудь осторожно прими.

Цепляйся зубами, мон анж, за свои удила,
Сезонное диво весны облегчённо вдыхая,
Цепляйся за мокрый бамбук в переулках Шанхая,
Где май, как бандит, появляется из-за угла.

О, кто там, на улице, машет зелёной полой,
И чья это барышня, вся в голубом, с кавалером,
И где этот дом, одичавшим доверен шпалерам
И утренней, сонной, апрельской присыпан золой?

Цепляйся за это, мой ангел, урюмец, гордец,
За воздух, за ветки, за птицу в малиновой клетке,
За маленький сад, где ещё уцелели ранетки,
Как мокрые гроздья морщинистых алых сердец.

Цепляйся, держись, нам никто не подмога, никто.
На этих качелях — цепляйся! — все ангелы серы,
И барышня вся в голубом, и её кавалеры,
И ветер Шанхая в своём долгополом пальто.

Плещутся, плещутся в чашках обломки Селен.
Пей ли, не пей ли — осадок космической пыли.
Может, тебя и любили, наверно, любили,
Нежно целуя болячки разбитых колен.

Звали тебя на заре, обходили в игре,
Звали во тьме, на Луне, на коленях качали...
Эти качели, которые в самом начале
Каждой печали, как яблони в детском дворе.

Эти мечты о тебе как следы на Луне:
Холод, космический холод, разрыв оболочки,
Детские страхи, дощечки, занозки, болячки —
Все о тебе, обо мне, о тебе, обо мне...

Вот мы достигли Луны, на Луне тишина.
Яблоки катятся, скрипы, шуршанье, прохлада
райского детского сада, вселенского лада...
Ладно, любимый, не надо, я буду одна.

...звали тебя на заре, оставляли в саду:
Лунные камни тропинок, забытые дети,
Сонные тени, как дети в гриппозном бреду,
Звали — ты помнишь, как звали тебя в Назарете?..

Не оживляй меня, утрюмец, слов не трать.
Мне нечем греть, увы, окончена тетрадь.
Мне нечем крыть, молва, как водится, права:
Мне нечем грех прикрыть — окончены слова.

В сухие русла глаз закапаем, стыдясь,
Химический раствор для идеальных глаз.
Неидеальных нас успеют закопать,
Нам не увидеть слёз, способных закипать.

Сухие русла рук растут из дельты плеч.
Мне нечем — нежный звук, мне изменяет речь.
Вагончик мой в огне — докатимся к утру,
Сестра моя в окне протягивает ру...

Не оживляй меня, не говори слова,
Не говори «давай», не говори «а ну»,
Не оживляй — дыши! — в созвучьях утону,
Мне больно говорить, не оживляй меня,
Я не хочу смотреть — давай! — на чистый лист,
Я больше не могу, не оживляй меня,
Сухие русла глаз — а ну! — сестра в окне,
Не оживляй меня, я не умею жить.

Ненаписанная песенка

мой друг стреляет куда попало.
в тебя попало? в меня попало.
и что мне делать
с кровавой раной?
мой друг — он странный.
он выходит из парадного и мёрзнет в снегу,
пока идёт до ларька,
а я помочь не могу и согреть не могу,
пока-пока.
он покупает вина и хлеба
(почти причастье — вполне причастье),
он видит землю,
но смотрит в небо,
и это счастье.
он мне не друг на самом деле, он мне даже не враг,
он городской воробей,
и я не знаю его, но я люблю его так,
что хоть убей.
мой друг летает пушинкой в небе —
не парься, бэби, все классно, бэби.
мой друг грибами врачует раны.
мой друг — он странный.
ему прикольно там, где больно мне, такие дела,
не совпадает строка.
я полюбить его смогла, а разлюбить не смогла.
пока.

Птицы — всего лишь повод
Взгляд отвести от крыш.
Ветер в окне вагона,
Волосы на ветру.
Ты машинально куришь,
Смотришь в окно, молчишь,
Думаешь, что наверно
Я без тебя умру.
Станция. Два барака.
Сохнущее бельё.
Тётки несут картошку,
Яблоки и цветы.
Дети, в пыли играя,
Имя кричат моё.
— Что это там за птицы?
— Гарпии, — скажешь ты.
И, как машинка «Зингер»,
Рельсы сшивая встык,
Штопает скорый поезд
Длинное полотно.
А позади красиво,
Ярко горят мосты —
Чтобы тебе нескучно
Было глядеть в окно.